

Отчет о Симпозиуме
«КУЛЬТУРА КОНФЛИКТА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ МОДЕРНИЗАЦИИ»
30–31 марта 2011 г., Истра, Пансионат «СОЮЗ»

Л.И. Никовская
(Россия, г. Москва)

Пленарное заседание было открыто приветственным обращением Президента института «Справедливый мир», Председателя СФ ФС РФ С.М. Миронова. В нем, в частности, говорилось, что «в процессе модернизации страны нам необходимо ответить на ключевые вызовы времени, добиться снижения социальной напряженности, обеспечить цивилизованный диалог и сотрудничество различных групп населения, укрепить доверие между ними и социальный мир. Политики, власть, гражданские структуры ждут сегодня от представителей научного и экспертного сообщества глубокого и всестороннего изучения социальных конфликтов, компетентных и обоснованных разработок и рекомендаций по их разрешению на принципах социальной справедливости и уважения прав человека»

В постановочном докладе д.соц.н., руководителя ИК по гражданскому обществу и публичной политике РАПН, председателя Программного комитета Симпозиума Никовской Л.И. *«Разнообразие и сложность вызовов для взаимодействия власти и гражданского общества в контексте задач модернизации: место, роль и культура конфликта»* говорилось, что проблема выбора системных характеристик, в рамках которой пойдут процессы модернизации – авторитарная или демократическая – со всей жесткостью выводит на первый план вопросы поддержания управляемости (стабильности) и изменчивости. В западной мысли проблема выбора вариантов и путей модернизации решалась в теоретическом споре либералов и консерваторов. Для ученых либерального направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай) основными критериями политической модернизации являются *степень вовлеченности населения в систему представительной демократии и уровень открытой конкуренции свободных элит*. По мнению ученых консервативного направления (С. Хантингтон, Дж. Нельсон, Х. Линц и др.), главным источником модернизации является *конфликт между мобилизованностью населения, его включением в политическую жизнь и институционализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов*. В то же время неподготовленность масс к управлению, неумение использовать институты власти и, следовательно, бесплодность их участия в политике способствует дестабилизации режима правления. Модернизованность политических институтов, по С. Хантингтону, связана не с уровнем их демократизации, а со способностью приспособиться к постоянно меняющимся социальным целям, за которые борются включающиеся в политическую жизнь широкие массы населения. Только жесткий авторитарный режим, контролирующий порядок, может обеспечить переход к рынку и национальное единство. В своих работах консерваторы выделяют и условия, необходимые для эволюционной модернизации под руководством авторитарной политической власти: компетентность политических лидеров; выделение качественно различных и продолжительных этапов в процессе реформ, каждый из которых должен иметь конкретные цели и собственные приоритеты; точный выбор времени их проведения. Никовская Л.И. особо выделила вызов, связанный с противоречием между управляемостью и репрезентативностью, которое воспроизводится и решается каждый раз в своей контекстуальной среде. Именно поэтому проблема порядка является ключевой для понимания жизнеспособности и плодотворности конфликтологической парадигмы. Какой порядок и стабильность нам нужны? Каковы их

характеристики и условия конституирования? Таким образом, снимающая в своем содержании противоположность принципов конфликта и равновесия, конфликтологическая парадигма особый акцент делает на *динамической природе равновесия*. Стабильность (равновесие) является прогрессивным результатом разрешения (урегулирования) социальных конфликтов, если они разрешаются (регулируются) рациональным и демократическим путем, и если они расширяют границы человеческой свободы и создают более благоприятные условия для жизни большинства людей. То есть стабильность, основанная на «укрощении» и минимизации деструктивных, разрушительных форм проявления конфликтов в виде насилия и конфронтации ведет к предпочтительным исходам общественных изменений.

Стабильность может стать регрессивной, если она достигается односторонним силовым принуждением и не допускает ни в каких формах сопротивления или несогласия. Такой порядок превращается в самоцель и вырождается в стагнирующее тоталитарное общество. Конфликтологическая парадигма в своей содержательной экспликации «снимает» противопоставление интегративной и конфликтной модели общества и рассматривает их не как взаимоисключающие друг друга концепты, но как взаимодополняющие. Акценты в выделении каждой из сторон решаются каждый раз конкретно-исторической ситуацией позиционирования исследователя. Стратегически обе модели правильны и продуктивны в аналитическом смысле. Стабильность и изменение, интеграция и конфликт, функция и дисфункция, консенсус и принуждение представляют собой два равнозначных аспекта общества, диалектически взаимосвязанных друг с другом и лишь в такой сущностной взаимозависимости описывающих общественные процессы более или менее исчерпывающим образом. Помимо этого, по мысли докладчика, конфликтная парадигма фиксирует свое внимание на процессах изменения, на их основаниях и механизмах, на нелинейности и многовариантности самоопределения противодействующих субъектов, что оказывается весьма существенным для понимания противоречивых и разнонаправленных процессов трансформации российского общества, когда познавательные и объяснительные возможности теорий неомодернизации оказываются недостаточными. Эвристический потенциал конфликтологической концептуализации, думается, только начинает осознаваться и использоваться. Политическая система современного российского общества отличается низкой эффективностью в достижении политической стабильности и социально-экономического развития. Именно поэтому она навязывает обществу идею консолидации и единства, исключая конкурентность и равноправие социальных интересов в публичной сфере и скрывающих, по сути, основное противоречие российского общества – *между крепнущей тенденцией к монополизации власти и плюрализмом тех многочисленных интересов, которые были «разбужены» процессами демократизации в России*. С другой стороны, конфликтологический подход позволяет лучше понять специфику российской политической трансформации, в которой не наблюдается ничего похожего на полноценную либерализацию и консолидацию демократии. Вскрывая и реконструируя сложно-составную динамическую природу конфликтности, можно наблюдать постоянно меняющийся и пульсирующий характер общих трендов российской трансформации, сложность задачи управленческих воздействий государства на эти процессы, особую «заинтересованность» определенных субъектов использовать эту неоднозначность и неопределенность положения для собственного политического самосохранения.

В докладе **А.В. Глуховой**, д. полит. н., проф., зав. Кафедрой политологии и социологии ВГУ *«Позитивно-функциональные свойства политической конфликтности: возможности и ограничения»* было отмечено, что в закрытых и полужакрытых («гибридных») общественных системах динамика политической активности имеет иной, циклический характер. В периоды «замерзания» активности масс политика зачастую вытесняется политическими технологиями, набором разнообразных методик достижения целей за счет манипуляции массовым сознанием при помощи СМИ и использования административного ресурса для навязывания обществу решений в интересах определенной социальной группы. Чем инертнее массы, тем эффективнее

политические технологии. Сознательная политика правящих кругов в таких системах заключается в том, чтобы как можно дольше препятствовать трансформации масс в политический субъект, блокируя каналы конвенциональной политической активности. Поэтому в закрытых обществах накапливаются противоречия, способные создать высокую степень риска их внезапной и неконтролируемой дестабилизации.

Очевидно, что трансформация закрытой или полужакрытой общественной системы в открытую будет представлять собой исключительно сложный процесс, в ходе которого возникают серьезные противоречия между экономическими реформами, политической стабилизацией и поведенческими практиками ключевых акторов трансформации, их способностью либо неспособностью к компромиссу. Однако опыт трансформации постсоциалистических обществ в 1990-х гг. показал, что разрешение этих противоречий возможно. Логика демократической конкуренции обусловила создание соответствующих «правил игры», институционализацию политического конфликта через избирательную систему и политическое представительство, соответствующие структуры исполнительной власти и их связь с законодательной властью, федеративное устройство государства и т.д. В результате удалось разрешить ряд парадоксов, сопровождающих процесс трансформации: между конфликтом и консенсусом; между включенностью и управляемостью; между демократическим одобрением и эффективностью политической системы. Обращаясь к политическим процессам современной российской действительности А.В. Глухова подчеркнула, что российские реалии 2000-х гг. весьма далеки от модели открытого общества. Вопреки представлениям о том, что демократия, по определению, является институционализированной системой для разрешения конфликтов, российская политическая элита поспешила дискредитировать само это понятие вместе с его содержанием. «Огосударствление политического пространства» (А.И. Соловьев), означало аннулирование свободной политической конкуренции и элиминирование конфликтов как источников и факторов развития. Поле российской политики постепенно превратилось в зону административного контроля; выстроен элитарный, закрытый от общественности механизм принятия политических решений. Удобным для власти орудием контроля над политическими процессами стал госаппарат, не требующий компромиссов и прочих сложных форм коммуникации, необходимых при общении с политическими контрагентами. Моделью разрешения конфликтов с последними стала «игра с нулевой суммой». В заключении А.В. Глухова сказала, что безальтернативный механизм постановки целей всегда заканчивается вырождением политики как формы регулирования социальных отношений. Режим «управляемой» («суверенной») демократии повышает угрозу непредсказуемого развития, поскольку ни партии, ни парламент не формируют исполнительную власть и не несут ответственности за деятельность правительства. Протестный потенциал в таких случаях долго накапливается латентно, а затем прорывается наружу внезапно, преимущественно в деструктивных формах. Массовые протесты 2005 г., связанные с отменой социальных льгот; трагические события в Кондопоге, вызванные неконтролируемой миграцией и криминализацией экономики; наконец, бунт на Манежной площади (декабрь 2010 г.), спровоцированный, помимо прочего, коррумпированностью правоохранительных органов – яркие доказательства ущербности системы, пытающейся сохранить стабильность при помощи образа «синкретической» власти, оказывающей решающее влияние на большинство сфер социальной жизни. Отрадно, что в массовом сознании постепенно нарастают иные предпочтения: поддержка многопартийности, конкуренции, справедливости распределения доходов как альтернатива ригидной системе, лишавшей страну перспектив развития.

В докладе **А.И. Соловьева**, д. полит. н., проф., зав. Кафедрой политического анализа МГУ им. Ломоносова «*Российское государство в диалоге с обществом: проблемы и перспективы*» говорилось о том, что современные тренды эволюции политики наглядно показывают, что и качество управления государством, и перспективы развития общества напрямую зависят от характера вовлеченности граждан в управление государством. Именно этот показатель, предполагающей полное исполь-

зование всех общественных ресурсов для разработки выигрышных управленческих стратегий, становится ключевым в условиях нарастания неопределенности. Вместе с тем мировой опыт продемонстрировал, что только государство – как главный игрок в публичном пространстве – определяет степень и характер вовлеченности населения в процессы управления. Главенствующее положение государства полностью доказывает и ситуация в современной России. Сложившийся в двухтысячных годах правящий режим постепенно сформировал такую модель взаимодействия государства и общества, которая отличается принципиальной нетерпимостью к гражданскому участию в процессах власти и управления. Хорошо известно, что отечественная система правления начала с умерщвления традиционных структур представительства гражданских интересов: электоральные механизмы перестали выступать механизмом выбора политических предпочтений населения; партийный рынок сузился до нескольких представленных в Думе партий власти (за исключением КПРФ), а его оставшееся пространство стало жестко контролироваться госадминистрацией в виде квазиполитической организации Единой России; НКО в силу введения новых нормативных правил утратили возможность проявления самостоятельности и самой возможности влияния на власть; оппозиционные структуры оказались вытесненными на периферию политической жизни, испытав на себе всю жесткость полицейского надзора. Венчают подобную конструкцию структуры административного давления, не только подавляющие разнообразные очаги общественной инициативы, но и активизирующие полутеневые и теневые механизмы распределения общественных ресурсов. Особая роль в становлении внегражданской системы правления принадлежит массмедиа, которые превратили публичную сферу в форму легитимации действующих правил распределения общественных ресурсов и капиталов (путем их символической конвертации и трансформации в побуждение нужного властям поведения публики). Обобщая, А.И. Соловьев отметил, что институциональная структура российской нанодемократии взяла в жесткие рамки административного контроля по сути все сколько-нибудь значимые формы гражданской активности. Политический формат диалога государства и общества оказался подмененный административным регулированием, а временами и прямым полицейским надзором. В этой атмосфере нетерпимости к гражданскому участию переговорные технологии, способы вовлечения общества в дела государства, дискурсивные практики и прочие приемы совместного ведения общественных дел (складывавшиеся в хаосе 90-х гг.) оказались либо разрушенными, либо так и не сформировавшимися. И чтобы сломать этот центральный механизм вытеснения общества из процессов власти и управления, российскому государству необходимы не частичные, а системные изменения своих коммуникаций с обществом. Это ставит гражданские структуры перед необходимостью не только выдвижения собственной повестки, но и выбора более разнообразных стратегий общения с государством. В том числе и тех, которые способны обтекать формально закрепленные каналы гражданского волеизъявления. В этом плане нельзя забывать, что у населения всегда существуют возможности прямого давления на власть (и «манежная площадь» показала, как быстро осваивает такие методы радикальная молодежь, возмущенная отдельными фактами нарушения закона и справедливости). Да и нынешние волнения в африканских странах также должны предостеречь власти от усугубления методов «вертикального» правления. Впрочем, надо отдавать себе отчет и в том плане, что такие процессы могут быть отягощены экстремистскими формами активности, которые способны окончательно похоронить надежды страны на гражданскую демократию.

Но в любом случае следует видеть, что наладить взаимоотношения государства и общества за счет решения частных проблем сегодня уже невозможно. Стране необходимы не частные, а полномасштабные сдвиги, в основании которых должно лежать изменение характера режима правления и качественное обновление коалиций правящего класса. Только это может помочь обществу обрести свое законное место в системе власти и управления российским государством.

В докладе **В.Н. Якимца**, д. социол. н., проф. МФТИ, гл. н. с. Института системного анализа РАН, *«Использование потенциала гражданских инициатив и ресур-*

сов межсекторного социального партнерства в модернизации России» было подчеркнуто, что модернизация – это обусловленный необходимостью и сформированными потребностями и спросом реально функционирующих компаний и физических лиц и осознанный на уровне государства процесс: (а) создания новых видов экономической деятельности, отвечающих специфике момента, (б) обновления и приоритетной поддержки основных производственно – технологических систем и отраслей социальной сферы, являющихся ключевыми с позиции сохранения, развития и воспроизводства человеческого, социального и промышленного капитала, а также (с) совершенствования и трансформации системы государственного и муниципального управления в сторону развития публичной политики и действительно партнерских отношений с бизнес-структурами и гражданскими объединениями во имя повышения эффективности работы, роста уровня и качества жизни населения и сохранения и защиты окружающей среды. Далее докладчик проиллюстрировал свое понимание модернизации примерами исследований, выполненных автором самостоятельно и с коллегами из академических НИИ и вузов (МФТИ, НИУ ВШЭ), как может работать на обеспечение этого процесса потенциал гражданского общества. В частности, были представлены результаты обширного исследования продвижения механизмов межсекторного социального партнерства во все 83 региона РФ, основанная на выявлении факта наличия механизмов МСП в соответствующем субъекте РФ или факта наличия механизмов МСП с учетом их значимости. Так, удалось получить интересный результат, демонстрирующий, что в регионах России сегодня доминируют 4 механизма МСП (институты по правам человека и правам детей, механизмы развития малого и среднего предпринимательства, гранты и субсидии и общественные советы при ОЗВ и ОИВ), представленные в большинстве регионов (от 88 до 95 % от общего числа). Общественные палаты и молодежные парламенты выявлены в 73 и 65 процентах регионов. Около трети субъектов РФ располагают НПА по регулированию благотворительной деятельности и налоговым льготам для НКО и доноров, а также имеют ФМС на своей территории. Менее 15 % регионов РФ разработали НПА по таким механизмам как общественная экспертиза, социальный заказ и публичные слушания. То есть, в 60 и более процентах субъектов РФ не применяются наиболее значимые из них для расширения участия институтов ГО в модернизации: фонды местных сообществ, социальный заказ, публичные слушания, общественные экспертизы. Рекомендации по материалам эмпирического исследования 2009–2010 гг. сводились к тому, чтобы рассмотреть возможности развития этих механизмов МСП, а также предусмотреть оценку работоспособности различных механизмов. Далее В.Н. Якимец рассказал об общих выводах исследования возможностей участия граждан и НКО в выработке, обсуждении и контроле за реализацией принимаемых социально-значимых решений на основе использования инструментов электронного участия на сайтах электронного правительства федерального уровня. В частности, он выделил следующий вывод, что в ходе исследования сайтов всех федеральных органов исполнительной власти (далее ФОИВ) с использованием этого метода было выявлено, что на них крайне слабо представлены инструменты электронного участия, что фактически свидетельствует о разрывах в системах обратной связи между гражданским обществом и государством. На сайтах ЭП РФ доминирует инструмент предоставления информации гражданам (93 %). Что же касается сайтов Евросоюза, они развиваются более равномерно и направлены не только на предоставление информации, но и на вовлечение граждан в диалог, коллективное принятие решений, на развитие обратных связей. Также докладчик подробно осветил результаты масштабного социологического исследования состояния публичной политики в регионах России. За время исследования – 2009–2011 гг. были выявлены пять типов региональных публичных политик, зафиксированы те институты и механизмы, которые существенно мешают полноценному функционированию публичной сферы. Возглавил антирейтинг – механизм противодействия коррупции. Практически все респонденты всех обследуемых регионов отметили колоссальные деструктивные явления в сфере публичной политике, связанные с коррупцией. В заключении В.Н. Якимец осветил результаты большого социологического

исследования, связанного с совершенствованием и развитием госслужбы РФ на основе оценки уровня доверия граждан к госслужащим. В частности, было отмечено, что в отношении всех трех видов госслужащих наименьшее число респондентов согласилось с тем, что деятельность госслужащих открыта для контроля со стороны граждан. Можно полагать, что доверие граждан всем видам госслужбы может значительно возрасти, если последними будут предприняты реальные действия по запуску действенных, а не декларативных и имитационных механизмов общественного контроля. По-видимому, это и есть основное направление, в рамках которого следует в первую очередь предпринимать усилия реформаторам для получения наибольшего эффекта по улучшению доверия граждан. Другие приоритетные направления – совершенствование правил работы гражданских служащих и служащих правоохранительных органов в отношении создания таких регламентов и процедур взаимодействия с населением, при которых максимально обеспечивалось бы соблюдение прав граждан, а также добросовестное исполнение обязанностей обеими видами госслужащих по отношению ко всем гражданам независимо от их статуса, благосостояния и т.п.

В докладе **Л.В. Сморгун**ова, д. филос. н., проф., зав. кафедрой сравнительной политологии СПбГУ, председателя Научного Совета РАН «*Политика модернизации и пока неосуществленный выбор: "управляемость" или репрезентация*» подчеркнул, что одной из проблем институциональной политики является поиск институтов, которые бы обеспечивали одновременно управляемость обществом и репрезентацию всех основных общественных интересов. При этом ясно, что существует противоречие между управляемостью и репрезентацией. Считается, что консенсусальные институты способствуют выполнению задачи репрезентации, а мажоритарные – управляемости. Концепция Аренда Лейпхарта консенсусной и мажоритарной моделей демократии также включает в себя указанные различия. При этом Лейпхарт полагал, что различие между ними в основном сводится к концентрации и распределению власти, а также «если мажоритарная модель демократии является исключительной, конкурентной и противительной, то консенсусная – включающей, дискурсивной и компромиссной». К основным институтам консенсусной модели демократии он относил правительство, основанное на многопартийной коалиции, баланс власти между правительством и законодательным органом, многопартийную систему, скоординированную, корпоратистскую систему групп интересов, федеральное и децентрализованное управление, двухпалатный парламент с сильными и равными палатами, стабильную и сложно изменяемую конституцию, специальный конституционный надзор и контроль, независимый центральный банк. Противоположные признаки касались мажоритарной демократии. Далее докладчик подробнее остановился на моменте выбора партийных и электоральных систем в периоды решения задач стабилизации и модернизации общественных отношений. В научной литературе отмечается тот факт, что в посткоммунистических странах взаимосвязь государства и партийной системы является более активной, чем в других регионах. Пол Левис пишет: «По крайней мере ясно, что изменяющиеся роль и характер посткоммунистического государства связаны с дорогой, избранной партийным развитием в Центральной и Восточной Европе. В этой неопределенной ситуации государства, способствуя формированию среды, в которой партии действуют, сами испытывают влияние партий, и партии имеют больший доступ к государству и его ресурсам, чем это делали западные партии в соответствующий период своего развития». Докладчик особо подчеркнул, что для государства и тех политических элит, которые в меньшей степени были связаны с финансовым капиталом, задача политико-административного преобразования России в прошедшее десятилетие фактически сводилась к трем составляющим: (1) усиление политико-административной автономии государства, его независимость от частных социальных интересов, будь-то интересы корпораций, отдельных экономических групп, или региональных политико-экономических кланов; автономия государства позволяла самостоятельно формулировать государственно-публичную политику; (2) повышение уровня политико-административных способностей государства осуществлять цели государственной политики, выполнять свои регулирующие

функции по отношению к национальной экономике и обществу; способности государства позволяли осуществлять цели более эффективно и качественно; (3) придание развитию экономики, общественным процессам и жизнедеятельности самого государства большей социальной ориентации. Эти основные составляющие политико-административных преобразований в первый и второй срок президентства В.В. Путина взаимосвязаны и имеют много точек пересечения. Ясно, что «диктатура закона», «равноудаленность олигархов от власти», система «навязанного консенсуса», «вертикаль власти», введение системы федеральных округов и изменение порядка формирования такого института, как высшее должностное лицо в субъектах федерации (вместе с новым порядком формирования Совета Федерации) и др., все это относилось к осуществлению первой задачи – усилению автономии государственной власти. В определенной мере реализации этой цели способствовал режим суперпрезидентства, сформированный в предыдущую политическую эпоху, хотя в ходе политической трансформации этот режим сам подвергся изменению. Можно сказать, что основной тенденцией здесь выступила рационализация президентской власти, понимаемая под этим и правовую определенность, и рациональную мотивацию на кооперацию, и функциональный технократизм. Социальная ориентация на интересы выразилась наиболее очевидно в целях формирования «национально ориентированного бизнеса», в политике национальных проектов и программ. Что касается административной реформы (2003–2005, 2006–2010 гг.), то ее задача в целом сводилась к добавлению способностей государства к государственной автономии с целью повышения скорости реакции государства на возникающие проблемы. К этой же общей тенденции следует относить и явное стремление власти, используя все имеющиеся ресурсы, усилить управляемость применительно к Государственной Думе, повысив в ней значение пропрезидентских и проправительственных сил. В этом отношении российский избиратель поддержал стремление к управляемости и голосовал за стабилизацию. В этих условиях были деформированы те консенсусные институты, которые должны были обеспечивать репрезентацию интересов. Можно с осторожностью согласиться с теми, кто полагает, что консенсусные институты сегодня вступают в противоречие с экономическими, политическими, идеологическими (внутренними и внешними) условиями существования государства. Кавказ, коррупция, глубокое социально-экономическое неравенство, слабая международная поддержка, отсутствие (или чрезвычайно малое количество) друзей на международной арене заставляет держаться той линии на управляемость, которая обеспечивает относительную стабилизацию. Л.В. Сморгунев задался вопросом, при общей ориентации на управляемость и на мажоритарные формы выработки и реализации политики именно с управляемостью у нас обстоит дело не самым лучшим образом. Все международные индексы, измеряющие качества системы управления, отводят России одни из второстепенных мест. В чем дело? На наш взгляд этому есть свои объяснения, связанные с институциональным дизайном, обеспечивающим (или ориентированным на обеспечение) управляемость, т.е. с самими мажоритарными институтами. Они также деформированы, как и консенсусные институты. Основные причины, конечно, определяются масштабной коррупцией и слабостью правовых рычагов организации и управления. Однако и другие важные институты деформированы сложившейся практикой централизации власти. Так, в России существует не просто доминирование исполнительной власти над законодательной, но, фактически, последняя превратилась в послушный аппарат президента и правительства. Однопартийная доминанта не может быть эффективной. Дело не в том, что «Единая Россия» имеет большинство в Государственной думе; дело в отсутствии значимой второй силы, которая могла бы осуществлять контроль и оппонирование существующей управленческой политике. Нет баланса и во взаимодействии двух палат парламента. Последние действия, предпринимаемые для снижения роли руководителя Совета Федерации, создают еще большие напряжения в системе политического управления. То, что партии становятся сегодня агентами государства, а не гражданского общества, хорошо известно. В России это приобретает свои очертания, но налицо вместе с президенциализацией

партий наблюдается явная тенденция сращивания партийного и государственного истеблишмента. В заключении докладчик сказал, что в России пока не хватает понимания того, что способности государства управлять неотделимы от способностей гражданского общества включаться в публичное управление, а также понимания того, что только интеграция способностей всех субъектов публичного управления повышает общую его результативность.

В докладе **В.А. Авксентьева**, д. филос. н., проф., Директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН *«Функциональность этнополитического конфликта: очевидные ограничения и неочевидные возможности»* особо отмечалось, что проблема выделения конструктивного потенциала этнополитических конфликтов еще на этапе становления отечественной конфликтологии (начало 1990-х гг.) побудила усомниться многих начинающих российских конфликтологов в истинности основного тезиса конфликтологии – о позитивном (конструктивном) потенциале социальных конфликтов. Сомнения эти остаются до сих пор, особенно с учетом российской практики. Почти все этнические конфликты в современной России обретают политический характер вследствие быстрого расширения базы конфликта и вовлечения политических институтов в их урегулирование. В этой ситуации принципиально важным для урегулирования и разрешения таких конфликтов является идентификация главного элемента конфликта, основной линии противостояния, в русле которой и развивается конфликт. Для полиэтничных регионов основной линией социального раскола, вокруг которой формируются сложносоставные и блоковые конфликты, является этнополитическая напряженность. Вследствие этого любой конфликт, если в нем принимают люди разной этнической принадлежности, развивается как межэтнический независимо от того, с чего именно он начался.

Именно тот факт, что этнический конфликт является сложносоставным и не обязательно возник как этнический, позволяет осуществлять с ним различные идеологические манипуляции и редуцировать в общественном сознании до неэтнического конфликта. Тенденция отрицания этнических конфликтов особенно характерна правоохранительных органов, и они имеют определенные основания для подобной позиции. Дело в том, что в России, как и большинстве европейских стран, действует принцип формального права, и многие из конфликтов, попадающих в поле зрения правоохранительных органов, с формально-юридической точки зрения являются хулиганством (разбоем, грабежом, другими видами нарушения общественного порядка), но не преступлением, совершенным по мотивам национальной неприязни. Однако политическая оценка подобных конфликтов и инцидентов, не только должна, но и может отличаться от правовой, поскольку политическая оценка делается на основе содержательного, а не формально-правового анализа ситуации. Далее, В.А. Авксентьев подробнее остановился на анализе этнополитической конфликтности в вновь созданном Северо-Кавказском федеральном округе. Несмотря на сохраняющийся настрой власти на идеологическую редукцию этнополитических конфликтов, произошел перелом в понимании ситуации. Власть с различными оговорками, все же готова принять тезис о том, что этнические (этнополитические) конфликты – факт современной жизни Юга, и что от их разрешения или урегулирования зависит реализация экономических программ и проектов. Характерным примером в этом отношении является Стратегия развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г., которая, в отличие от других многочисленных экономических программ и проектов по югу России, содержит хороший анализ социально-политической ситуации и этнополитических рисков, от «купирования» которых зависят итоги работы по реализации стратегии. В этом результате фиксируются такие классические конструктивные функции конфликтов как сигнальная и информационная. Сигнал о неблагополучии принят властью на всех уровнях, хотя и не всегда верно интерпретирован.

Во-вторых, властью осознан тот факт, что невозможно снижение этносоциальной и этнополитической напряженности без активного сотрудничества со структурами гражданского общества. Национально-культурные объединения – один из тех

сегментов гражданского общества, с которым власть в наибольшей степени готова реально сотрудничать. В субъектах федерации на юге России повсеместно созданы этнические советы (нередко при главах администраций регионов, что повышает их статус), функционируют дома дружбы или другие аналогичные общественные учреждения. На широкое сотрудничество с гражданским обществом делает ставку полпред президента РФ в СКФО А.Г. Хлопонин, о чем свидетельствует созданный общественный совет округа. В этом результате фиксируется такая функция конфликта, как институциональная. Формируются работоспособные структуры, выстраиваются взаимоотношения между властью и гражданским обществом.

В-третьих, осознан тот факт, что требуются системные меры по преодолению затяжного регионального этнополитического кризиса. Само создание СКФО в 2010 году – попытка осуществить переход от ситуационного антиконфликтного менеджмента к системному. В этом результате фиксируется такая позитивная функция конфликта, как стимулирование социальных изменений.

Тем не менее, пока что деструктивные функции этнополитических конфликтов явно преобладают над конструктивными. Причинами этого являются: 1) невысокая конфликтологическая грамотность управленцев; на сегодня в органах власти и местного самоуправления нет ни одной должности, требующей квалификации конфликтолога; 2) культура конфликта, ориентированная на сокрытие или избегание конфликта вместо поиска его конструктивного урегулирования и разрешения; 3) отсутствие институциональной ответственности политического класса, побуждающей к поиску эффективного решения проблем; 4) недостаточная развитость механизмов диалога как конфликтующих сторон, так и возможных посредников и других участников конфликтов, отсутствие площадок для такой работы; 5) недостаточная разработанность и невысокая практическая ценность социальных технологий по урегулированию макросоциальных конфликтов.

Первый день работы Симпозиума завершился презентацией результатов исследований гражданского общества в современной России (2009–2010 гг.) немецкими учеными, поддержанными Фондом им. Ф. Эберта. Представила его выводы доктор социологии Сюзанна Ланг. С российской стороны были представлены результаты масштабного социологического исследования состояния гражданского общества в регионах России, поддержанного ИНОП, д. соц. н. В.Н. Якимцом, д. соц. н. Л.И. Никовской

Во второй день Симпозиума состоялась работа четырех секций.

Секция «Модернизация в современной России: проблемы, противоречия и конфликты» (модераторы – проф. А.В. Глухова, проф. В.В. Смирнов, проф. В.С. Комаровский) В выступлении проф. Комаровского В.С. «Конфликты и консенсус в процессе модернизации России» обращалось внимание на то, что в трактовке процесса модернизации произошли существенные перемены, связанные с пониманием возможности множественных моделей, путей и методов модернизации, различной роли государства в этом процессе, а также связи модернизации экономической и политической системы, демократии и авторитаризма. Автор обратил внимание на имманентную противоречивость и конфликтогенность модернизационных процессов, поскольку их выгоды и тяготы распределяются неравномерно между различными социальными группами и слоями. Невозможно запустить процесс модернизации, если в обществе отсутствует национальный консенсус относительно долгосрочных целей развития. Между тем в России нет опыта формирования такого консенсуса, поскольку все предыдущие модернизации – начиная с Петра I и кончая большевиками – осуществлялись сверху. Усилия государства практически всегда были направлены на подавление и локализацию конфликтов. Как известно, нынешние инициативы по модернизации российского общества также были выдвинуты сверху, в силу чего можно говорить о «навязанной модернизации» (Э. Набиуллина). Вместе с тем она является не пиар-проектом, но осознанной необходимостью. Докладчик пришел к выводу о том, что России необходима коалиция в поддержку модернизации, состоящая из представителей различных социальных слоев, поскольку ни один из них в одиночку с этой задачей справиться не сможет.

В выступлении проф. Н.А. Баранова «Влияние авторитарных тенденций на культуру конфликтности» обращалось внимание на принципиальные отличия демократических и авторитарных режимов в отношении конфликтных ситуаций. В демократической практике приоритетным является диалог и выработка компромиссного решения; при авторитаризме предпочтение отдается силовым методам разрешения конфликтов. В современной России только формируется постсоветская культура конфликтности, которая в существенной степени определяется влиянием исторических и политических традиций, господствующих норм морали и политической ментальности, привычек политического поведения граждан, стереотипов сознания. Отсюда демократический вектор развития чередуется с авторитарными тенденциями в политической жизни, что решающим образом влияет на противоборство субъектов политики, совместимость их политических интересов, целей и ценностей.

Проф. В.В. Смирнов в своем докладе под названием «Права человека в диалоге о модернизации: конфликтологическая интерпретация» напомнил о том, что модерн во многом связан с идеей автономии личности, тогда как модернизация – с идеей прав и свобод человека. Исторически и актуально потребность в различных модернизационно-инновационных проектах и во включенных в них моделях и концептах прав человека зачастую стимулировалось конфликтами, особенно в форме гражданских войн и революций. И в России конституционно-правовая институционализация прав человека началась под воздействием революции 1905 г. Что касается сегодняшнего дня, то разворачивающийся диалог общества и власти о модернизации и правах человека может содействовать переходу от конфронтации к поиску компромиссной модели развития страны.

Проф. Б.А. Исаев в своем докладе «Партийные» конфликты, деривационные революции и их влияние на взаимодействие власти и гражданского общества» напомнил об основных расколах индустриальной эпохи, выделенных С. Липсетом и С. Рокканом, и обозначил противоречия и разломы общественного сознания в современной России. Отдавая должное определенным приобретениям, полученным обществом от перманентных реформ, докладчик обратил внимание на ряд категорий населения, которые почти ничего не получили от российской модернизации. Это молодежь, население национальных окраин, население дотационных регионов, население моногородов, население деревень. Деривация (Т. Гарр), то есть неудовлетворенность в результате сравнения того, что есть и что могло бы быть и выступает в качестве протестного потенциала российской молодежи.

Проф. Петко Ганчев (Болгария) в докладе «Культура конфликта и диалога во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор политической модернизации постсоциалистических стран Европы» обратил внимание на то, что современный взрыв революционных настроений в арабских странах является яркой иллюстрацией взаимодействия национальных, региональных и глобальных факторов, сетевых связей, через которые происходила мобилизация молодых образованных людей, минуя институциональные каналы разных политических партий и управленческих групп воздействия. Многие постсоциалистические общества также далеки от нормальных условий своего функционирования, потому что на разных уровнях «тлеют» неразрешенные конфликты, которые в определенный момент могут вспыхнуть как вулкан.

Проф. А.М. Старостин, проф. Л.Г. Швец в своем выступлении обратили внимание на условия гармонизации конкуренции, солидарности и конфликта. По их мнению, в современной России мы имеем дело с квазиконкурентными отношениями. Основная болезнь, препятствующая переходу страны к современному обществу, связана с игнорированием солидарных, консенсусных начал при формировании конкурентных процессов. При этом часть общества и, прежде всего, средний класс давно проявляют заинтересованность и готовность к утверждению новых ценностей. Не готов, в силу особых интересов, высший класс.

Проф. П.Л. Карабушенко в докладе «Российская элита на пути к гражданскому обществу» отметил возросшую актуальность темы гражданского общества в современной России. Однако созданию основ последнего мешают этатизм, абсолютизм

власти, социальное расслоение (материальная несостоятельность большинства граждан), вялость демократических институтов. Устранение этих препятствий представляется длительным процессом, предусматривающим перераспределение ответственности между властью и гражданами при выборе стратегии национального развития. Однако правящие элиты хорошо научились извлекать выгоду из эксплуатации материальных ресурсов страны, но делиться ими с обществом пока не готовы.

Доц. О.В. Маврин предложил вниманию собравшихся доклад на тему «Инновационный конфликт как неотъемлемый фактор социальных модификаций в современной России». Под инновационным конфликтом автор понимает столкновения во взглядах, мнениях, действиях людей, связанных с любыми возможными изменениями, которые происходят в процессе использования новых решений, в процессе социальных взаимодействий. Он предлагает различать материальные и нематериальные инновационные конфликты. Наиболее конфликтогенными представляются нематериальные инновации (особенно в управленческой сфере). Между тем оправданность внедрения нематериальных инноваций и разрешение данного вида конфликтов имеет важное значение для преобразования социальных отношений в современной России.

Выступления участников секции встретили искренний интерес собравшихся. Было задано множество вопросов, звучали реплики, уточнения, комментарии и т.д. В конце заседания были подведены его основные итоги.

Работа секции **«Проблемы урегулирования этнонациональных конфликтов, снижения угроз экстремизма и терроризма»** проходила в рамках двух заседаний. Модератором первой части дискуссии выступил Директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, профессор, доктор философских наук В.А. Авксентьев, модератором другой части обсуждения – профессор кафедры политологии философского Казанского федерального университета, доктор политических наук А.Г. Большаков. Дискуссия включила большинство из заявленных организаторами докладов, каждый из которых вызывал активное обсуждение.

В центре дискуссии находилась проблематика политического экстремизма и терроризма в России, региональные составляющие современного политического процесса, молодежь как социальная группа, которая склонна к радикальному поведению в политике и различные формы протестного поведения в Российской Федерации посредством сравнения их с европейским и арабским опытом.

Доцент кафедры конфликтологии СПбГУ М.М. Алдаганов в своем выступлении фактически заложил основы будущей дискуссии на секции. Этноконфликты в современной России, по его мнению, не имеют в своем содержании собственно этнических оснований и потребностей, что позволяет относить их «эпифеномену» современных социально-политических процессов. Такая инструменталистская позиция автора оправдана, хотя и нуждается в более детализированной аргументации, объективно невозможной в рамках одного небольшого доклада. М.М. Алдаганов сумел внести в свое изначально теоретическое выступление необходимые иллюстрации современных этнополитических и конфессиональных российских практик, в частности, отстаивая тезис о том, что внешнее влияние в регионе Северного Кавказа практически отсутствует, а дестабилизацию вносят внутрироссийские политические группы и спецслужбы.

Профессор кафедры политологии КФУ А.Г. Большаков рассмотрел в своем выступлении политические процессы в Республике Татарстан, которые стали значимыми за последний год. Одним из выводов его доклада являлся тезис о том, что Татарстан становится все более унифицированным регионом России и этот процесс порождает, с одной стороны, прекращение конфликтного противостояния федеральных и региональных властей, с другой стороны, усиливает напряженность внутри самого субъекта федерации.

Директор Центра изучения миграционных процессов РАГС при Президенте РФ В.Ю. Леденева осветила влияние миграционных процессов на социальную напряженность и межнациональные конфликты в Российской Федерации. На примере дан-

ных социологических исследований она продемонстрировала деструктивный потенциал неконтролируемой этнической миграции.

Заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин РЮИ РПА Минюста РФ (г. Ростов-на-Дону) С.И. Кузина рассмотрела феномены экстремизма и терроризма посредством понятия культура насилия. Она экстраполировала теоретические положения своего выступления на проблемы Северного Кавказа и молодежного радикализма. В частности, были продемонстрированы причины замалчивания властями роста ультраправых националистических настроений в российском обществе.

Научный сотрудник Института социологии РАН М.Н. Топалов сосредоточил свое внимание на национально-политическом конфликте в молодежной среде и его роли в развитии России. Кроме того, он фактически выступил в качестве неформального дискуссанта по целому ряду секционных выступлений. М.Н. Топалов обратил внимание коллег на факторы отсутствия общей идеологии, доступа к качественному образованию и социального расслоения, которые способствуют росту радикализма и протестных настроений в молодежной среде.

Декан факультета по работе с молодежью Ярославского педагогического университета Коряковцева О.А. продемонстрировала роль органов власти в профилактике политического экстремизма в среде молодежи. Наибольший интерес собравшихся вызвал подробный анализ докладчиком взаимодействия различных государственных и общественных структур региона в деле воспитания молодежи и рассказ о собственном опыте работы в молодежной среде.

Аспирант НИУ ВШЭ А.А. Щербович попытался выявить взаимосвязи интернет-технологий и революционных процессов в арабских странах. Часть своего выступления он посвятил России, заявив, что структура российского интернета отличается в худшую сторону от Египта, Туниса и не способствует мобилизации населения на протестные акции. Подобное утверждение вызвало полемику на секционном заседании. Некоторые участники дискуссии были склонны анализировать масштабы революционных событий, исходя из социально-политических, а не технологических условий. К тому националистические выступления в декабре 2010 г. в России по своей направленности явно противоречили общедемократическим требованиям арабских «революций».

ЗаклЮчило работу секции интригующее выступление профессора кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ В.В. Костюшева, который первоначально не был заявлен в программе. Ученый предстал перед коллегами сразу в двух лицах. С одной стороны, в качестве интеллектуального провокатора и автора собственной академической концепции «неконвенционального художественного протеста в поле политики», с другой стороны, общественного защитника группы молодых людей из Санкт-Петербурга, бросивших вызов существующей власти и обвиняющей в экстремизме.

Обсуждение тонкой грани между легальными формами политического протеста и молодежным экстремизмом стала предметом заключительной дискуссии на секции.

Секция **«Гражданское общество, публичная политика и межсекторное партнерство в контексте задач модернизации: конфликтные вызовы и проблемы управления конфликтами»** (куратор д. соц. н. В.Н. Якимец) оказалась самой большой по сравнению с другими секциями Симпозиума. В ее работе приняло участие около 30–35 человек. На четырех заседаниях, продолжавшихся целый день было заслушано 22 доклада. Наибольший интерес вызвали доклады, в которых наряду с теоретическими вопросами, обсуждались результаты эмпирических исследований и реальные кейсы.

Так, в докладе М.В. Саввы и И.Б. Мардарь на основе исследования, выполненного в Краснодарском крае и в Ростовской области, была дана сравнительная оценка деятельности таких механизмов взаимодействия общества и власти, как общественные палаты, общественные советы при органах законодательной и исполнительной власти. Публичные слушания, общественная экспертиза, коллективные переговорные площадки и пр. Было показано, в частности, что возможно определить критерии оценки эффективности функционирования ряда из них. Так, если после заседания

Общественного совета письменно протоколировать список намеченных мероприятий и задач, то затем можно подсчитать долю реализованных. По названным территориям эмпирически установлено, что процент реализованности намеченных задач, как правило, оказывается равным 30 %. Было отмечено, что омоложение состава чиновников сопровождается рядом негативных явлений – мотивация на личные интересы, рост конфликтности во взаимоотношениях с НКО. Авторы считают, что требуется смена методологической основы выстраивания взаимодействий, опираясь на ст. 32.1 Конституции РФ.

Доклад М.Б. Горного содержал детальное описание проблем, возникших в связи с реализацией Концепции общественно-государственного партнерства в Санкт-Петербурге. Показано, что после принятия № 40-ФЗ в Санкт-Петербурге возникли определенные проблемы, связанные с реорганизацией взаимодействия НКО с властью.

Доклад Е.В. Морозовой, помимо обстоятельной оценки проблем развития волонтерства в России, включая описание мотивации добровольцев, мотивации власти, неоднородности волонтерства и пр., вызвал обсуждение острых вопросов о том, что назрела необходимость скорейшего внесения международных стандартов в работу волонтеров в связи с тем, что при подготовке Сочинской олимпиады за организацией обучения волонтеров будут «жестко» следить представители Международного олимпийского комитета.

Интересные сведения были представлены в докладе М.Ю. Миловановой. Показано, что взаимодействие НКО с политическими партиями в значительной мере определяется тем, является ли партия парламентской или оппозиционной. Были даны примеры, когда оппозиционная партия, представленная в парламенте, располагает меньшими возможностями по работе с НКО, чем доминирующая.

А.Ю. Сунгуров сделал сообщение о характере конфликтов, связанных с деятельностью института-медиатора в Санкт-Петербурге.

Довольно обстоятельный анализ эффективности деятельности Общественных советов при органах власти был сделан в докладе Г.В. Зазулина. Теоретические положения иллюстрировались автором на примере Общественного совета при ФСКН России.

Как всегда сбалансированным по соотношению теоретической базы и прикладных результатов оказался обстоятельный доклад О.В. Поповой, в котором изучались риски и опасность социальных конфликтов в сознании жителей мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга). Был выполнен факторный анализ, позволивший проанализировать особенности интерпретации социальных конфликтов горожанами. Установлено, что даже в отсутствии экономического кризиса жители мегаполиса оценивают риски социальных конфликтов как высокие.

И.А. Черненко представила доклад о деятельности и потенциале альтернативных профсоюзов в политическом пространстве России. Показано, что несмотря на все сложности и риски, такие профсоюзы в большей степени защищают интересы наемных работников, чем ФНПР.

В докладе Е.Г. Ушаковой изложены отдельные вопросы политического взаимодействия общества и власти на опыте работы диалоговых площадок муниципального уровня в Ярославле.

Доклад А.Ю. Сунгурова, Н.П. Распопова, О. Захаровой и Л. Поповой содержал сведения об организации сравнительного изучения в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде трех типов институтов взаимодействия: ЦПП и ФМ, Уполномоченных по правам человека и Института медиаторов-посредников. Было сообщено, что идет отработка методологии исследования.

Теоретические аспекты конфликтных вызовов, возникающих в процессе разных сторон модернизации России нашли отражения в докладах Ю.А. Красина, А.П. Кочеткова, А.В. Богачева, Т.А. Михайловой, Т.А. Мордасовой, А.В. Кинсбургского, И.В. Задорина, М.А. Молоковой, С.В. Зуевой и Д.Н. Нечаева и Е.Г. Селивановой.

Секция «Идеологическая и символическая репрезентация конфликтов в публичной сфере» (модераторы – проф., д. полит. н. Л.Н. Тимофеева, проф., д. филос. н. О.Ю. Малинова). Участники секции представили и обсудили четыре

доклада. В выступлении *О.Ю. Малиновой* рассматривалась роль политического класса и институтов публичной сферы в символическое оформление конфликтов в современной России. Выступавшая анализировала, с одной стороны, как сложившаяся система институтов влияет на мотивацию политического класса к «смыслотворчеству», а с другой стороны, как когнитивные и ценностные установки политического класса трансформируются в коммуникативные практики, стимулирующие формирование именно таких, а не других институтов. *Л.Н. Тимофеева* в своем докладе обратила внимание на то, что состояние диалога власти и оппозиции является индикатором качества демократии. Развивая классификацию конфликтов, предложенную Раппопортом, она выделила два типа политических дискурсов: конфликтный (дискурс рассогласований) и консенсусный (дискурс согласований). Используя эту классификацию, Тимофеева проследила динамику развития коммуникации между властью и оппозицией, начиная с 1980-х гг. В позднем СССР: дискурс власти и дискурс инакомыслия как параллельные дискурсы. При Горбачеве появляется возможность для диалога. Однако, по замечанию автора доклада, дискурс власти и оппозиции постоянно расходится с практикой. По ее мнению в последние годы наметилась возможность перейти от конфликтного дискурса к дискурсу согласований: на это указывают некоторые пересечения в выступлениях Путин и Медведева. *Г.Л. Тульчинский* попытался дать содержательное определение понятию «информационные войны». По мнению выступавшего, данная метафора может указывать на вполне определенное содержание, ибо «информационная война» предполагает определенный набор признаков. Неявность акторов коммуникации способствует мифологизации ее содержания. Этим «информационная война» отличается от конфликта, предполагающего наличие конкретных сторон. Кроме того, конфликт предполагает наличие кого-то третьего, наблюдающей стороны, «арбитра». К сожалению, современное общество особенно уязвимо для нагнетания напряженности за счет информации событийного ряда. Информационная война – это не просто слухи, а широкий резонанс, создающий новое событие, благодаря чему к новой реальности можно апеллировать как к факту. Доклад *В.В. Костюшева* был посвящен анализу феномена неконвенционального социального протеста. Автор попытался определить, в каких условиях возможно нарушение конвенции, рассматривая художественные практики протеста на примере акции «член в плену у ФСБ», проведенной в Санкт-Петербурге 1 июня 2010 г. По мнению автора доклада, имела место чисто эмоциональная акция выражения категорического недовольства – разрыв с дискурсом не только власти, но и оппозиции. В каком-то смысле это можно рассматривать как реакцию на неэффективность традиционных форм протеста дисфункциональны.

По предложению *В.В. Коновалова* участники заседания также обсудили определения понятия гражданского общества, предложенные участниками презентаций исследовательских проектов в первый день заседания.

Завершился секционный день работы Симпозиума общим подведением работы всех 4-х секций.

1 апреля участники Симпозиума посетили с паломнической экскурсией Воскресенский Ново-Иерусалимский ставропигиальный мужской Монастырь и историко-культурный краеведческий Музей.